

Путь к мастерству

(по рассказам Б.А. Машука «Торькие шанежки»)

Инициаторы и организаторы конференции дали ей многозначительное название — «Литературный мир Приамурья на перекрестке эпох». Литературный мир Приамурья — это признание определенных масштабов литературной жизни в нашем крае, его многоликости и богатства. Мир на перекрестке эпох: перекресток дорог — возможное движение в разные стороны, повороты налево, направо, движение вперед. Эпохи, смена одной другою — можно предположить смену веков, вернее — социального и экономического устройства общества, его культурного развития. Окинув мысленным взором последние десятилетия нашей жизни, надо согласиться с тем, что конференция правильно названа и вовремя созвана.

Литературный мир Приамурья живет и развивается в движении — не бесследно проходит для него смена эпох. Одна из важнейших проблем истории литературы нашего края — пути ее художественного развития. Если незабвенной памяти Л.В. Лосев писал о первых поэтах Приамурья — Л. Волкове и П. Масюкове, — отдавая должное им как основателям литературной жизни края, то ученый-краевед подчас признавал и художественное несовершенство их творений, а в наши дни, читая стихи И. Еремина, О. Маслова, И. Игнатенко, басни Н. Фотьева, прозу Б. Машука, В. Лецика и многих других амурских литераторов, мы ощущаем их творческую зрелость, своеобразие художественного стиля.

Что же привело литературу Приамурья к ее успехам, обретениям? Верность традициям русской классической литературы, постижение ее художественных богатств, которое шло через изучение шедевров классики в школе, через самообразование на творческих семинарах, в беседах с собратьями по перу, — что в результате и определило художественное родство с великими предшественниками, поставило на путь реалистического искусства. Убедительным примером тому является творческий путь Б.А. Машука.

Литературному мастерству он учился всю жизнь. Получив за повесть «Трудные километры» на Всесоюзном литературном конкурсе вторую премию имени Н. Островского, он мечтает о высших

литературных курсах, но обстоятельства не дали этой мечте осуществиться. Определенный творческий заряд Машук получал на семинарах признанных мастеров слова: В. Распутина, Е. Носова, А. Иванова, которые высоко оценили дарование молодого писателя, по их рекомендации Машук был принят в члены Союза писателей СССР. Этот факт биографии Машук не воспринял как итог творческого роста, для него это была веха, от которой надо было совершать восхождение. И он пошел по трудному пути самообразования. А учителей в этой литературной школе у него было немало, и каких! Об этом подумалось, когда довелось изучать большую личную библиотеку писателя с многочисленными томами отечественных и зарубежных классиков. Вспомнились слова друга Машука И.Д. Игнатенко: «Борис очень много читал». Уместно привести строки из статьи «Пути-дороги дальние» о том, что занимало на досуге двух литераторов, Б. Машука и Н. Фотьева: «А разговоры о Достоевском, Толстом, Пушкине, Салтыкове-Щедрине, Гоголе, Лескове, Чехове... что подстегивало желание еще раз перечитать читанное и вроде бы известное. И это была школа. Незаметная, не обидная, нужная»¹.

Прямых признаний Машука о влиянии на него кого-либо из классиков не было, но, читая его произведения, понимаешь: такое творчество могло развиваться только на благодатной почве богатейшей русской реалистической литературы. Подтверждением этому могут послужить наблюдения над самой талантливой книгой Б.А. Машука - циклом его рассказов «Горькие шанежки». Они о жизни на маленьком железнодорожном полустанке от первого до победного дня Великой Отечественной войны, о трудном детстве и отрочестве, о стойкости и твердости духа взрослых, дававших детям уроки высокой нравственности и мужества. Рассказы во многом автобиографичны, на них лежит печать пережитого самим автором, поэтому они так проникновенно написаны. Четырнадцать рассказов в сборнике многое объединяет: одно время и место действия, одни герои, а главное - одна проблема, поставленная автором, - как могли в суровые годы войны не просто выжить, а помогать фронту, сохранить и вырастить детей, достойных защитников родины.

По машинописным вариантам сборника, хранящимся в архиве писателя, не удалось определить последовательность написания рассказов, а их расположение в изданном сборнике вызывает определенный интерес.

¹ Амурский областной архив. Фонд 2193, оп. 1, д. 31, с. 63.

Какова логика в основе композиции цикла? Выяснение этого приведет к осмыслению и разрешению проблемы, поставленной автором.

Общепризнанным мастером композиции прозаических произведений был И.С. Тургенев: работая над романом «Два поколения» (не окончен), он писал К.С. Аксакову: «Простота, спокойствие, ясность линий - все это пока мелькает передо мною, к роману не приступал, пока не было ясности линий»². В архиве Машука есть вроде бы неприметный листок с несколько странным названием «Скелетный план - схема», но этот листок раскрывает процесс работы над очередным рассказом: все продумано, определено, рассчитано - осталось, как мышцы к скелету прирастить, создать картины, эпизоды, характеры. Машук тоже стремился к «ясности линий». Первый рассказ «За кисликой-травой» воспринимается как вступление в цикл: Шурка Орлов выходит на первые дороги жизни - короткие, по двору, они скоро стали неинтересными. Растет Шурка - длиннее становятся его дороги, до школы, до станции. Наконец, первая длинная дорога с приятелями в сопки за кисликой-травой. Радость и восторг испытывает юный герой, увидев с вершины сопки «что еще не изведено им, не хожено».

Образ дороги пройдет через все рассказы: дороги будут веселыми, трудными, трагичными. Пройдя их, многое обретут дети, во многом переменятся. Уже во втором рассказе «Тяжелый день» еле проходимыми тропами бежит пастушок - сирота Семушка, потерявший стадо. Добрый дядька Слободкин помог мальчику, он же и сообщил, что началась война: «Держаться надо, Семен. Большая беда навалилась». Продолжая мысль о беде для всех, писатель в третьем рассказе «Горькие шанежки» снова сводит на одной дороге взрослых и детей: дежурный по станции поручил девочке Карлушке сходить в деревню и сообщить деду Колотилкину, что его сын Колька едет на фронт, эшелон проследует через два часа. Опасной дорогой идет девочка под дождем среди болотных кочек, мимо собак и выполняет поручение. В рассказе «Мужики» еще более сближается детский и взрослый мир. Мальчики ловят рыбу для бригады колхозных косарей, они многое понимают в жизни взрослых. Узнав, что к ним подошел налоговый инспектор, бывший фронтовик, Матвей вздохнул: «Да было бы чем налог платить, никто бы и не ждал, пока скажут». Рассказ «Рыбный суп» -

² Тургенев И.С. Собрание сочинений в 12 т. Т. 12. М, 1958. С. 120.

об испытании детской дружбы, скрепленной трудностями и голодом: чуть не разошлись пути-дороги дружков, но, к счастью, рядом оказалась мудрая мать, не дала оборваться мальчишеской дружбе. В рассказе «Вечером под праздник» Шурка Орлов, когда-то мечтавший о больших дорогах, пишет дядьке Климу, который учил его гордости и достоинству, письмо на фронт о жизни в доме деда, по-своему поддерживая фронтовика, помогая идти дорогами войны. О большой беде, случившейся на железной дороге, повествуется в рассказе «Крушение». И снова одной дорогой бегут взрослые и дети к месту сошедшего с рельс состава. Рассказ выполняет особую композиционную роль в цикле, что подчеркивается двойным смыслом названия: крушение товарного состава - беда, крушение преступных дел отчима Семушки — победа над злом и жадностью, чуждыми сплоченным в трудные годы войны людям. События подтолкнули Семушку к смелому разоблачению отчима: трудные дороги сиротского отрочества научили Семена различать добро и зло, закалили характер мальчика, укрепили волю.

Война достала детей и в глубоком тылу (рассказ «Взрыв»). Взорвалась забытая на полигоне граната, найденная вездесущими мальчишками. Ценою жизни спас многих Митяй, слабый ученик, переросток. Общая трудная дорога жизни привела мальчика к подвигу. Последний рассказ «Шуркина борозда» как бы закольцовывает весь цикл: когда-то Шурка ходил по коротким дорогам - теперь делает свою первую борозду на хлебном поле. Вырос работник рядом с мудрым дедом, наставляющим: «Ровно держи». В этой лаконичной фразе - иди прямой дорогой, не сбивайся с трудового пути, ясной становится мысль автора рассказов: неустанным трудом, сплоченностью выдержал народ испытание войной и победил.

Не сопоставляя ни по содержанию, ни по художественным достоинствам два сборника рассказов, великого классика и нашего современника, возможен вывод о продолжении Машуком традиций Тургенева, заложенных в его знаменитых «Записках охотника», в которых в разных сюжетах, персонажах проводилась единая, дорогая писателю мысль о пагубности крепостного права для всех слоев русского общества. Скорее всего Б.А. Машук в процессе работы над «Горькими шанежками» не перечитывал «Записок охотника», но его композиционный ход в сборнике осуществился в традициях реалистической литературы.

В композиции отдельных рассказов также проявились некото-

рые особенности русской реалистической прозы, в частности - начало рассказов. Общеизвестно, как Л.Н. Толстому нравилось умение Пушкина сразу начинать повествование: «Гости съезжались на дачу...» «Кто не проклинал станционных смотрителей?» «Мы стояли в местечке N». Так же сразу начинает Машук: «Весну сорок третьего года ждали с нетерпением». «Стадо Семушка пригнал в сумерках» «Живя на маленьком полустанке, Шурка сделал для себя открытие». Такое начало сразу вводит в действие, вызывает интерес к дальнейшему повествованию, заставляет сосредоточиться. Возникает ощущение динамичности, напряженности, отчасти с оттенком занимательности, а что дальше будет?

В других рассказах Машука начало с иной композиционной заданностью: оно создает настроение, помогающее воспринять изображенные события. «Горькие шанежки» начинаются с пейзажа: «Третий день над полустанком моросил дождь. От сырости все кругом насупилось, потускнело». Дождь так и не уйдет со страниц рассказа: «небо низко висело над головой, капали дождинки», «то густея, то затихая, моросил дождь», «Дождик все шумел, лениво сыпя по крышам и лужам». Ощущение плачущего неба оправдалось: встреча с сыном не состоялась, в открытые двери вагона Колька только успел крикнуть: «Будь здоров, батя! Прощай!» Состав умчался на запад.

«Согнувшись под мокрым мешком, расстроенная Карлуша смотрела в спину согнутого горем старика». Как предупреждение о трагическом - начало рассказа «Крушение»: «Та зимняя ночь начиналась, как многие... из-за сопки поднялась было луна, но, так и не осветив округу, скоро сама запуталась в темноте, скрывшей и все дома полустанка». Зловещая картина дополняется то красным, то зеленым светом семафора. Настроение тревожного ожидания в дальнейшем переходит в ужас перед крушением.

В русской литературе нередко примеры идейно-художественного сближения рассказов, проявляющееся в своеобразном начале, которое продолжает финал предыдущего рассказа, при этом возникает новый поворот одной темы. Классические примеры этого у Чехова: рассказы «У знакомых», «В родном углу», «Случай из практики» предшествуют рассказу «Невеста» и композиционно связаны с ним. Еще раз оговариваемся: вряд ли Борис Андреевич перечитывал Чехова, создавая свои чудесные «Горькие шанежки», но, видимо, устоявшиеся традиции русской классической литературы

вели за собой Машука.

Интересна композиционная связь между рассказами «Ошибка» и «Конфуз». Эпизод недолгого пребывания в школе молодой и недоброй учительницы, нарушившей жизнь сельской школы, которую дети так любили, завершается хорошим концом: вышла после болезни умная и добрая Нина Васильевна - восстановился в школе мир радости и добра. Пришел светлый новогодний праздник. Начало рассказа «Конфуз» - продолжение финала рассказа «Ошибка»: жизнь школы, с шумными детьми, их проказами; а в центре этой жизни мудрая учительница, сумевшая превратить ситуацию конфуза, в которую попали дети, в урок нравственности: «Кто сам честно признался, из него может вырасти настоящий человек».

Наблюдения над рассказами Машука открыли в писателе глубокого психолога, знатока детской души и души взрослого человека. Общеизвестны великие художники слова, проникавшие в глубины человеческой психологии - И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой. У каждого из них был свой художественный стиль. Тургенев известен мастерством тайной психологии: не давая детального описания душевного состояния героев, он «выдавал» их настроение через художественные детали, жесты, реплики, портрет. Машук был явным и успешным учеником Тургенева в этой области, что проявилось более всего в рассказе «Рыбный суп».

Сам автор, по свидетельству И.Д. Игнатенко, читал этот рассказ с волнением: «голос его сорвался на полусшепот, а на глаза навернулись крупные слезы»³. И это не от сентиментальности Бориса Андреевича: в рассказе изображалось опаленное войной детство. Леньке Челову повезло, когда он с дружками шел вдоль железнодорожной линии: из открытой двери вагона матрос в поварском колпаке бросил Леньке большую голову кетины. Обычно мальчишки делились находками, но «сейчас Ленька прижал рыблю голову к груди и, опустив лицо, проговорил: «Домой снесу». Леньке стыдно перед товарищами, но он хочет помочь матери, а отец на фронте. Ленька вспомнил, как отец уходил на войну: мать молчала, но «ее молчание было тяжелее слез и, не выдержав, Ленька бочком вышел на улицу». Вспомнил он и то, как на станции «до холода в груди» понял он, что уходила в прошлое их жизнь. Так приемом тайной психологии Ма

³Игнатенко И.Д. Дань памяти // Б. Машук «Горькие шанежки». Благовещенск, 2006. С. 7.

шук передает состояние мальчика, но доведя до крайней точки способность Леньки страдать молча, автор как бы не выдерживает и открытым текстом пишет о горе подростка: «плача, Ленька долго бежал за вагоном и долго махал рукой отцу». Воспоминания об отце укрепили Леньку в сознании его правоты: не мог он делиться с друзьями рыбой. Неожиданно эту правоту разрушила мать: «Вы же всегда делитесь!» Потрясение Леньки автор передает через его поведение: «хмуро взглянул на мать», «склонил голову к столу, колупая ее дощатую крышку», «сгорбясь, он согнулся с табуретки». И мать поняла, что творится в душе подростка; сварив рыбный суп, она сказала: «Друзков своих позови. Вместе ходили, вместе и есть будете». О дальнейшем поведении и состоянии героя узнаем из слов автора: «Ленькины глаза все наполнялись и наполнялись слезами... Хотел что-то сказать, но слова застревали в горле». Так писатель передал сыновнюю благодарность матери за ее душевную щедрость и понимание. Как тут не вспомнить классический пример тайной психологии в романе И.С. Тургенева «Рудин», когда одним словом автор передал потрясение Натальи, услышавшей от Рудина «Надо покориться». Читаем: «Губы ее побелели».

Сильный талант психолога проявился в других рассказах сборника: «Тяжелый день», «Крушение» «Шуркина борозда» и др. Прием тайной психологии позволял писателю сделать рассказы компактными, а точно найденные языковые детали, раскрывающие состояние героев, обогащали содержание рассказов, углубляли характеристики героев.

Приверженность Машука эстетике русской классической литературы проявилась и в таких художественных особенностях рассказов, как образ повествователя, язык автора и персонажей, изображение характеров героев, что может стать предметом дальнейшего исследования не только сборника «Горькие шанежки», но и всего творчества талантливого писателя Б.А. Машука.

Приведенные наблюдения даже в таком небольшом объеме позволяют утверждать: на перекрестке эпох верность эстетике русской классики приведет амурских писателей к новым художественным свершениям.

